Ализа. Кожа и тишина

Михаил Санников

Ализа. Кожа и тишина

Серия «Ализа», книга 1

https://litres.ru/74187324
SelfPub; 2026

Аннотация

У Ализы есть своя тату-студия, броня из одиночества и привычка жестко контролировать всё вокруг. Она убеждена, что свобода — это когда ты никому ничего не должен.

Всё меняется в сырой вечер в баре «Сайгон», когда за её столик садится Михаил. Музыкант, который умеет слушать тишину, раздавлен собственной виной: несколько лет назад он совершил самую большую ошибку в жизни — бросил дочь-подростка Таню.

Случайная встреча запускает цепную реакцию. Пытаясь помочь Михаилу достучаться до ожесточившегося ребенка, Ализа сама становится мостом между сломленным отцом и преданной девочкой. Но готовы ли они к абсолютной честности? И что выберет птица, выколотая на запястье Ализы, когда клетка одиночества распахнется, — побег или решение остаться?

Глубокий психологический роман о цене чужих ошибок, хрупких границах доверия и о том, что разрушить семью можно за один день, а на ее восстановление могут уйти годы.

Содержание

Пролог: «Кожа и тишина» 4
Глава 1: «Сайгон» 7
Глава 2: «Ночной полёт» 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Михаил Санников
Ализа. Кожа и тишина

Пролог: «Кожа и тишина»

В тату-студии пахло озоном, стерильной краской и старым кофе. Ализа стояла у рабочего стола, склонившись над эскизом, который переделывала уже третий раз. Клиент хотел «что-то про свободу», но не мог объяснить, что именно. Он говорил расплывчато, жестикулировал неуверенно, и внутри неё росло раздражение, которое она не имела права показывать. Она кивала, поправляла линии, делала их острее, чётче. Он должен был сам решить, что ему нужно. Она не могла сделать это за него.

Когда клиент ушёл — довольный, но всё ещё сомневающийся, — она выключила лампу над столом. Свет погас, и комната погрузилась в полумрак, который она знала лучше, чем яркий день. Она села на старый диван, потёртый до дыр, и провела пальцами по его обивке. Диван помнил её предшественника, а теперь помнил её. Как и стены, покрытые набросками, как и зеркало в трещине, которое она так и не заменила.

За окном темнело. Город шумел, но здесь, в этой комнате с выцветшими обоями, было тихо. Она смотрела на свои

руки — в синей краске у ногтей, в микроскопических точках, которые не отмывались неделями. Она сжала пальцы в кулак, потом разжала. Свобода. Она думала об этом слове так часто, что оно потеряло смысл.

На запястье, под рукавом футболки, пряталась старая татуировка — птица, которую она сделала себе сама в шестнадцать. Тогда она казалась ей символом побега. Теперь она смотрела на неё и видела не крылья, а клетку, которую она сама себе построила. Свобода и одиночество были для неё одним и тем же. Она не знала, когда они стали неразличимы.

Она встала, подошла к полке с пластинками и провела пальцами по их корешкам. Каждая — часть её жизни, которую она ни с кем не делила. Она выбрала одну, но не поставила. Просто подержала в руках, чувствуя, как потёртый картонный конверт холодит пальцы. Красная гитара в углу ждала, когда её коснутся, но Ализа не прикасалась к ней уже несколько дней. Не было настроения. Не было слов.

Она сняла куртку с крючка, накинула её на плечи и вышла в вечерний воздух. Он пах дождём и асфальтом, как всегда, перед тем, как начать лить. Она не знала, куда идёт. Просто шла. Иногда это было единственным, что она могла сделать, — двигаться, чтобы не стоять на месте.

На перекрёстке она остановилась и посмотрела на светофор. Красный. Она ждала, глядя на пустую улицу, и думала о том, что сегодняшний день ничем не отличается от вчерашнего. И завтрашний будет таким же. Она не знала, сколько

ещё сможет так жить. Но она знала, что у неё нет другого выбора. Она сама выбрала этот путь. И теперь она шла по нему одна.

Зелёный загорелся. Она шагнула вперёд.

Глава 1: «Сайгон»

Вывеска скрипела на ветру. Название «Сайгон» было написано облупившейся краской, и если бы не слабый свет за мутным окном, бар можно было бы принять за заброшенное здание. Ализа проходила мимо него сотни раз, но никогда не заходила. Сегодня она остановилась. Просто потому, что устала идти по привычному маршруту. Просто потому, что дождь, который висел в воздухе весь день, наконец начал капать.

Она толкнула дверь. Внутри пахло старым деревом, табаком и сыростью — запахами, которые она знала с детства, хотя никогда не могла объяснить почему. Бар был почти пуст. У стойки сидел мужчина в потёртой джинсовой рубашке и о чём-то тихо говорил с рыжей женщиной — барменшей с уставшим лицом. В углу стоял старый проигрыватель, но пластинка, кажется, заела: короткий гитарный рифф повторялся снова и снова, не переходя в песню.

Ализа села за столик у стены. Она выбрала его специально — отсюда был виден весь зал. Она всегда садилась так, чтобы видеть вход и держать пространство под контролем. Это была привычка, въевшаяся в кожу. Она сняла куртку, повесила её на спинку стула и положила руки на стол, чувствуя холод дерева под пальцами.

Она не хотела, чтобы кто-то к ней подошёл. Она хотела

просто сидеть в этом странном, дышащем прошлым месте и смотреть, как мир движется мимо. Через полчаса она уйдёт. Как всегда.

Она заметила его не сразу. Он сидел в центре зала — открыто, почти вызывающе, но в его позе не было наглости. Он просто сидел, сжимая стакан с пивом, и смотрел на стол. Не в телефон, не в сцену — в своё отражение в тёмной деревянной поверхности. В его плечах было напряжение, которое не вязалось с расслабленной позой. Она сразу заметила это — она всегда замечала такие вещи. Это была её работа: читать людей по мелочам.

Она уже собиралась отвести взгляд, когда он вдруг поднял голову и встретился с ней глазами. На мгновение ей показалось, что он смотрит на неё, но потом она поняла — он смотрит *в неё*. Так смотрят люди, которые не боятся столкнуться с тем, что видят. Это было неожиданно и неприятно. И в то же время она не отвела взгляд.

Он поднялся. Она не видела, как он двигался — он просто оказался рядом, с бокалом в руке. Она приготовилась: «какие у тебя татуировки», «ты здесь одна», «ты не похожа на других». Она знала эти фразы наизусть. Но он просто поставил бокал на её стол и спросил:

— Можно сесть?

Вопрос был простым. Он не пытался быть оригинальным, не пытался произвести впечатление. Он просто спросил разрешения, как будто это было естественно. Она слегка при-

подняла бровь, но не прогнала его.

— Садись, — сказала она. — Только если ты надеешься, что я буду тебя развлекать, ты ошибся.

Он сел напротив. Она заметила, как он положил руки на стол — ровно, ладонями вниз, будто хотел, чтобы она видела, что они пустые. Это был жест человека, который привык объяснять свои намерения. Или человека, который слишком часто чувствовал себя виноватым. Она не могла решить, что из этого хуже.

— Я Михаил, — сказал он. — Я музыкант.

— Ализа, — ответила она. — Я делаю татуировки.

— Твои руки в краске, — заметил он, кивнув на её пальцы.

Она опустила взгляд. Синяя краска въелась под ногти, в складки кожи. Она не смыла её, потому что торопилась уйти.

— Да, — сказала она. — Бывает.

Он кивнул и замолчал. Она ждала, что он начнёт задавать вопросы, рассказывать о себе, пытаться заполнить пустоту. Но он просто сидел и слушал заевшую пластинку. Это было странно — находиться рядом с человеком, который не боится тишины. Она привыкла, что люди говорят без остановки, чтобы заполнить пространство. А он просто молчал, и это молчание было тяжелее, чем любой разговор.

Она взяла свой стакан, сделала глоток и поставила его обратно, громче, чем нужно. Он поднял на неё глаза.

— Ты всегда такой молчаливый? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Но я не люблю говорить, когда не о чем.

— А ты всегда решаешь, есть о чём говорить?

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением, будто она сказала что-то неожиданное.

— Я пытаюсь, — сказал он. — Не всегда получается.

Она усмехнулась. Внутри неё зашевелилось что-то вроде интереса, но она не хотела признавать это.

— Ты пришёл сюда один, — сказала она. — Это странно для человека, который не любит говорить.

— Я ищу тишину, — ответил он. — Это не то же самое, что одиночество.

Она смотрела на него, и в его словах было что-то, что заставило её задержать дыхание. Она знала эту разницу. Она сама жила с ней.

— Ты пишешь песни, — сказала она. — Про что?

Он задумался. Она видела, как он подбирает слова.

— Про то, что люди не видят, — сказал он наконец. — Про то, что они прячут. Когда они думают, что их никто не слышит.

Она хотела спросить: «И что же ты слышишь?» — но не стала. Она боялась, что его ответ будет слишком честным.

— Ты читаешь их кому-нибудь? — спросила она вместо этого.

— Нет, — ответил он. — Никому.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то дрогнуло. Она

знала, что это такое — создавать вещи, которые никто не видит. Эскизы, которые лежат в папке годами. Песни, которые она наигрывает по ночам, когда никто не слышит.

— А сейчас хочешь? — спросила она.

Он смотрел на неё, и она видела, как он колеблется. Его пальцы сжимали стакан сильнее, чем нужно.

— Почему я должен тебе читать? — спросил он.

— Потому что ты сел за мой стол, — сказала она. — Это была твоя идея.

Он молчал долго. Она думала, что он откажется, встанет и уйдёт. Но он посмотрел на неё и сказал:

— Одну. Если тебе не понравится, я уйду.

— Договорились.

Он смотрел на стол, собираясь с мыслями. Когда он начал говорить, его голос был тихим, почти шёпотом:

«Здесь раньше птицы в небе резали рассвет,А корни сосен два столетья пили дождь.Теперь здесь башен сталь поёт беззвучный бредИ наш прогресс в земле рождает дрожь».

Она слушала. Внутри неё что-то дрогнуло — не от красоты, а от точности. Она смотрела на него, на его лицо, которое стало другим, когда он говорил, на его пальцы, которые сжимали стакан так, будто он держался за жизнь. Она не знала, сколько он читал — минуту, две. Когда он закончил, она не сказала ни слова.

— Ну? — спросил он.

Она взяла свой стакан, допила пиво и поставила его на

стол.

— Ещё, — сказала она.

Он улыбнулся — едва заметно, но в этой улыбке было что-то настоящее. Не игра, не попытка понравиться. Просто тихая радость от того, что его услышали.

— Ещё будет в следующий раз, — сказал он.

— Когда?

— Когда ты скажешь.

Она смотрела на него и понимала, что сегодняшний вечер изменит что-то, что она считала неизменным. Она не знала, хорошо это или плохо. Но она знала, что не хочет уходить.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда давай ещё по пиву.

Он кивнул и подозвал барменшу. Ализа откинулась на спинку стула и смотрела на него, позволяя себе впервые за долгое время просто быть в этом моменте, не пытаясь его контролировать.

Глава 2: «Ночной полёт»

Они вышли из «Сайгона» почти одновременно. Она — потому что воздух внутри стал слишком густым, он — потому что встала она. На улице было прохладно, но не холодно. Сырой ветер с реки нёс запах мокрого асфальта и бензина. Фонарь над дверью моргал, и тени прыгали по стенам, делая старую вывеску ещё более облупленной.

Ализа остановилась на тротуаре. Она не курила, но ей хотелось закурить — просто чтобы занять руки. Она сунула их в карманы куртки и посмотрела на пустую улицу. Михаил стоял рядом, и она чувствовала его присутствие, хотя он не делал ничего, чтобы привлечь внимание. Она заметила его отражение в стекле витрины: сутулые плечи, пальцы, сжимающие ключи от мотоцикла. Он выглядел так, будто боялся, что она сейчас скажет «пока» и уйдёт.

— Ты куда теперь? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Домой.

Он помолчал, потом кивнул в сторону старого мотоцикла, припаркованного у каштана.

— Могу предложить альтернативу.

Она посмотрела на мотоцикл. Старый, с потёртым сиденьем, не блестящий, как у тех, кто любит внимание. На руле висел шлем с потёртым ремешком. Она могла бы отказать-

ся. Это было бы правильным решением. Она не знала его, он мог быть кем угодно. Но внутри неё поднималось что-то — не желание приключений, а усталость от того, что она всегда выбирает правильное.

— Если мы разобьёмся, — сказала она, — я заставлю тебя заплатить за завтрак.

Он улыбнулся — не широко, а скорее с облегчением. Протянул ей шлем. Она надела его, чувствуя запах кожи и табака, и села позади него. Её руки зависли в воздухе — она не знала, можно ли прикасаться к незнакомцу. Но мотоцикл уже зарычал, и она обхватила его талию, чувствуя, как напрягаются мышцы его спины.

«Что я делаю?» — пронеслось в голове. Но она не стала думать. Иногда лучше не думать.

Они выехали из города через старый мост. Ветер ударил в лицо, заглушая всё. Городские огни превратились в размытые полосы, а потом исчезли совсем. Она смотрела на его спину, на то, как он ведёт мотоцикл через ночные повороты, и чувствовала странное спокойствие. Он не пытался впечатлить её скоростью или виражами. Он просто вёл, ровно и спокойно, как будто делал это не для неё, а для себя. Это было лучше, чем если бы он старался.

Они остановились у воды. Не у живописного озера — у серого, слегка мутного пруда, окружённого старыми тополями. Где-то вдалеке светилась вывеска придорожного кафе, и оттуда доносилась музыка — та же заезженная мелодия,

что и в баре. Ализа сняла шлем, и её волосы рассыпались по плечам. Она не сказала ни слова, просто смотрела на воду.

— Здесь некрасиво, — сказал он, и в голосе его было что-то похожее на извинение. — Но тихо.

Она села на траву — мокрую и холодную, но ей было всё равно. Он сел рядом, протянул ей бутылку пива. Она взяла, но не пила, просто держала в руках.

— Ты приехал сюда не просто так, — сказала она. — Что ты здесь ищешь?

Он долго молчал. Вода была чёрной, и казалось, что в ней нет глубины.

— Я ищу место, где можно забыть, — сказал он наконец. — Не помогает. Но я пытаюсь.

— Что забыть?

Он не ответил сразу. Она видела, как его пальцы сжимают бутылку, как напрягаются его плечи.

— Что я оставил человека, который нуждался во мне, — сказал он. — И теперь я не знаю, как это исправить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.